

рования последней. В «Спящих» организация взрыва социальной действительности противопоставлена революционному сознанию, нашедшему воплощение в образе современного чекиста в исполнении Игоря Петренко. Бугаева приходит к выводу, что ресайклинг революционной темы в современном кинематографе включается в создание мифа о новой истории и одновременно манифестирует конец исторического бытия. В ходе обсуждения Разувалова напомнила, что актуализация естественных структур родства характерна для консервативного общества. Вьюгин отметил, что следует разделять ресайклинг универсального мифа, актуализированного в советском контексте, и ресайклинг специфически советского.

В докладе А. И. Разуваловой (Санкт-Петербург) «„Социал-дарвинизм“ 1990-х и его критики» речь шла о реперции понятия «социал-дарвинизм» в консервативной публицистике и историософии 2000–2010-х годов (С. Г. Кара-Мурза, А. С. Панарин, З. Прилепин). В конце XIX — начале XX века дарвинистские идеи в их применении к развитию социума обсуждались в контекстах борьбы за новое научное мировоззрение и теорию эволюции. Под знаком социал-дарвинизма возникали концепции различной культурно-идеологической направленности. Однако после Второй мировой войны социал-дарвинизм обвинили «в создании идеологических и псевдонаучных оснований для целого ряда кошмаров XX века» (Д. Ходжсон) и стали ассоциировать с сугубо консервативными доктринами, основывавшимися на биологизации «социального» и этически неприемлемых практиках дегуманизации. Позднесоветский взгляд на социал-дарвинизм как на квинтэссенцию «капиталистического мировоззрения» варьировал примерно те же темы, что и западная критика этого явления, но со специфично советскими идеологическими акцен-

тами. Шаблонизированный в практике позднесоветской пропагандистской речи «социал-дарвинизм» был реактивирован «патриотической оппозицией» с началом реформ в России 1990-х годов. Концептуально размытое и эмоционально нагруженное понятие «социал-дарвинизм» быстро перешло в лексикон антилиберальных сил и стало использоваться для описания становящегося российского капитализма и этики новых элит. Автор доклада проследила, как идеологически левая советская критика социал-дарвинизма была превращена постсоветскими консерваторами разного толка в развернутое консервативное высказывание и важный элемент их популистской стратегии. Интегрируя критику социал-дарвинизма в обширный комплекс консервативных представлений, Панарин и Кара-Мурза стали рассматривать социал-дарвинистские идеи и практики через призму цивилизационного (а не формационного) подхода и анализировать социальный генезис «агентов социал-дарвинизма» — позднесоветской интеллигенции и постсоветских либеральных элит. Возмущение неравенством привело некоторых консерваторов (например, Прилепина) к отзеркаливанию порицаемых ими либеральных риторических практик маргинализации и стигматизации оппонента, к эссенциализации различий, на которых базируется популистская оппозиция «элиты» и «народа». В ходе дискуссии Бугаева спросила, актуализируются ли сейчас какие-то другие теории начала XX века, например Кропоткина или Гексли. Докладчица ответила, что теория Кропоткина актуальна и сегодня, мало того, сейчас много попыток «прочитать» Дарвина через Кропоткина.

© М. Д. Андрианова

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-283-287

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ВАДИМА ЭРАЗМОВИЧА ВАЦУРО

С 30 ноября по 2 декабря 2020 года в Пушкинском Доме прошли Международные научные чтения памяти Вадима Эразмовича Вацура, приуроченные к 85-летию со дня рождения ученого. Конференция ввиду ограничений, вызванных пандемией новой коронавирусной инфекции, была проведена в онлайн-режиме. Видеозаписи заседаний доступны на YouTube-канале Пушкинского Дома.

Чтения открылись приветственным словом директора Пушкинского Дома В. В. Головина и демонстрацией фрагмента видеозаписи с участием В. Э. Вацура, сделанной для французского телевидения в 1992 году.

Первое заседание началось с доклада С. А. Фомичева (Санкт-Петербург) «Травестия петербургского мифа в „Пиковой даме“», в котором речь шла о символической расстановке сил, заведомо сниженной в повести по сравнению с воплотившей петербургский миф поэмой «Медный всадник». В «Пиковой даме» запечатлено противостояние корыстолюбца и старухи. Уже эпиграфы, предпосланные каждой главе, иронично переосмыслиют изложенные события, время которых размерено не по эпохам, а по дням, часам и минутам. Докладчик отметил, что героем произведения не случайно стал обрусевший немец (что перекликается

с онемеченным названием города, в дате основания которого содержатся те же пресловутые цифры — тройка, семерка, туз — 1703).

Доклад В. А. Мильчиной (Москва) «Опять о правосудии и милости: еще один возможный источник финала „Капитанской дочки“» был посвящен анекдоту, напечатанному среди прочего в «Историческом словаре анекдотов о любви», экземпляр которого находился в библиотеке Пушкина. Начиная с конца XVII века во французских и английских сборниках исторических анекдотов публиковалась история камеристки Марии Стюарт Маргариты Ламбрен, которая решила отомстить королеве Елизавете за смерть своей госпожи; попытка не удалась, и Маргариту задержали. Она спросила, как Елизавета собирается с ней поступить — как судья или как королева? Елизавета отвечала, что как королева, и тогда Маргарита объяснила, что судья обязана ее приговорить, а королева — помиловать без всякой условий. Елизавета оценила урок и Маргариту помиловала. Этот анекдот с его альтернативой: правосудие или милость? — отразился в финале «Капитанской дочки».

М. А. Федотова (Санкт-Петербург) в докладе «А. С. Пушкин и „Книга житий святых“ Димитрия Ростовского» еще раз обратилась к литературным источникам трагедии «Борис Годунов». Она показала, что источником для внесценического образа царевича Димитрия могло быть Житие царевича, написанное Димитрием Ростовским и вошедшее в его Четьи Миней, которые, по свидетельству современников, были в библиотеке поэта. Обращаясь к этому агиографическому своду, Пушкин пытался найти не только Житие царевича Димитрия, но и Житие Василия Блаженного, чтобы сделать образ своего юродивого в драме более точным и ярким. Не обнаружив этого текста, Пушкин одним из первых обозначил особенность Четьих Миней святителя: несмотря на общую «агиографическую» полноту, жития великорусских святых в своде Димитрия были представлены далеко не полностью.

В докладе Т. Н. Степанищевой (Эстония) «К истории поэтического „ученичества“ Пушкина: и снова Жуковский» была дополнена история творческого диалога Пушкина с Жуковским, которая традиционно сводилась к «пародированию девственного создания» — «Двенадцати спящих дев» — в «Руслане и Людмиле». По мысли докладчицы, пушкинская рецепция поэмы Жуковского не завершилась в 1820 году и не ограничивалась «преодолением влияния». В ряде недавних исследований показано, как в начале 1820-х годов Пушкин выработывал новую поэтику, используя ресурсы поэзии Батюшкова и Жуковского, трансформируя ее мотивы и приемы за счет неожиданного совмещения или сюжетного сдвига в лирических стихотворениях и поэмах. Подобный сдвиг Пушкин осуществил в поэме «Братья разбойники», построив ее в значительной степени на переосмыслении мотивной структуры «Громобоя», первой части поэмы Жуковского.

Т. И. Краснобородько (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «Самый ранний автограф Пушкина? Надпись на книге „Fables de Fénelon“» изучению инскриптов на парижском издании басен Фенелона 1809 года. Оно оказалось в поле зрения исследователей в год столетия гибели Пушкина и принадлежало тогда О. В. Цехновицеру. По единодушному заключению московских и ленинградских пушкинистов, одна из записей на форзаце «Александр Пушкин» представляла собой самый ранний, долинейский автограф будущего поэта (еще две записки на книге выполнены по-французски Н. Н. Пушкиной и Е. Н. Гончаровой). Первоначальная атрибуция автографа и его интерпретация в дальнейшем не подвергались сомнению. Т. И. Краснобородько предложила новую атрибуцию этой записки, обратив внимание на ее «нестандартность» (на книгах поэта владельческие инскрипты встречаются только в двух вариантах: «Пушкин» и «А. Пушкин») и графические детали, не характерные для пушкинского почерка во всем его хронологическом диапазоне. Привлечение обширного архивного материала помогло докладчице верифицировать почерк как принадлежащий Н. Н. Пушкиной, а запись «Александр Пушкин» — как указание на принадлежность книги сыну поэта.

Н. А. Хохлова (Санкт-Петербург) в докладе «Пушкин — редактор „Хроники русского“ А. И. Тургенева: новоязденный автограф Пушкина» рассказала об автографе, который был обнаружен ею в архиве братьев Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309). Это пометы Пушкина-редактора в виде семи текстовых вставок и трех отдельных исправлений в рукописи А. И. Тургенева, предназначенной для публикации в пятом томе «Современника». Она представляет собой копии семнадцати писем-отчетов Тургенева его патрону кн. А. Н. Голицыну о работе в архивах Парижа, проведенной по высочайшему поручению для «изысканий, до российской истории относящихся». Письма появились под общим для «корреспонденций» Тургенева названием «Хроника русского»; представление об их изначальной функции было утрачено. Рассматривая историю этой публикации в рамках исследования темы «Пушкин и Тургенев в 1836–1837 годах», докладчица раскрыла мотивы выбора Пушкиным именно этого материала; восстановила хронике редакторской работы, датировав автограф началом 20-х чисел января 1837 года; а также указала на его ценность: это редчайший сохранившийся редакционный материал «Современника».

В докладе А. В. Дубровского «Вяземский и мнимый Пушкин» (Санкт-Петербург) была представлена история бытования отрывков из вольнолюбивого стихотворения «Негодование» («Мой Аполлон — негодование!» и «О, ты, которая из детства...»), эпиграмм на Ф. В. Булгарина: «Фиглярин — вот поляк примерный!», «Синонимы: гостинная, салон...», «Ты целый свет уверить хочешь...», лирического стихотворения «Лилия» («О царственный цветок, о Лилия младая...») и дорожного экспромта «А до-

рога ваша — сад для глаз...», принадлежащих П. А. Вяземскому. В течение жизни Вяземский всячески оберегал творческое наследие Пушкина от проникновения в его состав чужих текстов. Об этом, в частности, свидетельствуют его остроумные пометы на полях книги «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его» (2-е изд. Берлин, 1870), опубликованные в 1904 году Н. П. Барсуковым. Тем не менее упомянутые стихотворения самого Вяземского ходили в списках под именем Пушкина, печатались в пушкинских изданиях и в собраниях его сочинений.

А. А. Долинин (США) выступил с докладом «„Бэла“ и „Путешествие в Арзрум“ (заметки к старому спору)», в котором сопоставлялись описания Военно-грузинской дороги в первой главе «Путешествия в Арзрум» и в «Бэле» и была подвергнута критике концепция советских литературоведов, считавших, что Лермонтов продолжил пушкинскую традицию путевых записок, развивая ее в сторону большего реализма. С точки зрения докладчика, все переклички в «Бэле» (и начале «Максима Максимовича») носят полемический по отношению к этой традиции характер и не продолжают, а высмеивают и разрушают ее, причем стилистически лермонтовские описания намного ближе к кавказским очеркам Бестужева-Марлинского, нежели к «Путешествию в Арзрум». В свое время некоторый элемент полемики в «Бэле» постулировал В. В. Виноградов, но, как он утверждал, Лермонтов «с беспощадным реализмом» разоблачал лишь «иронический гиперболизм» некоторых пушкинских описаний, направляя основной удар на цветистый слог Бестужева-Марлинского и его эпигонов. Даже с этой острой интерпретацией решительно не согласился Б. М. Эйхенбаум, который считал, что совпадения и расхождения в описаниях объясняются не «беспощадным реализмом» Лермонтова, разоблачающего своего предшественника, а его желанием отдать «дань памяти великого писателя». Умолчание же о пушкинском травелеге в «Бэле», по Эйхенбауму, искажившему историко-литературные факты, являлось следствием того, что «Путешествие в Арзрум» навлекло на себя высочайшее недовольство, было «встречено как политическая ошибка и демонстративно обойдено молчанием». По мнению докладчика, этот спор двух крупнейших литературоведов 1940–1950-х годов, в котором оба участника явно старались не погрешить против партийных догм, показывает, насколько большой деформации под прессом советской идеологии подвергались даже самые замечательные филологические умы.

Ю. Сугино (Япония) в докладе «Державинские реминисценции в поэме А. С. Пушкина „Медный всадник“» задалась целью показать, что, начиная со строки «Невы державное течение», державинская тема прослеживается на протяжении всей поэмы «Медный всадник». Можно обнаружить сходство сцены, где Евгений сидит верхом на мраморном льве, объятый страхом за свою невесту, со стихотворе-

нием Державина «Препятствие к свиданию с супругою», а также усмотреть в ней реминисценции его оды «Водопад». В финале поэмы также звучат отголоски державинского стихотворения «Река времен».

В докладе Н. И. Михайловой (Москва) «И. П. Белкин в Петербургском театре (Из комментария к «Истории села Горюхина»)» было отмечено, что драма А. Коцебу «Невзлюбив к людям и раскаяние», которую герой повести видел в театре в 1820 году, шла на петербургской сцене этого года 20 апреля, 25 мая, 26 октября и 30 ноября. Докладчица выдвинула предположение, что Пушкин мог быть на представлении 20 апреля. А 3 мая 1830 года он посетил благотворительный спектакль по этой же драме в московском Благородном собрании, что, возможно, и дало повод к упоминанию ее в «Истории села Горюхина». В пушкинский текст включена также негативная оценка произведения Коцебу: «мысль», записанная Белкиным, пародирует ее название, свидетельствуя о ее банальности.

С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) выступил с докладом «„Летопись села Горохино“ и сон об Обломовке», в котором проследил связь между произведениями А. С. Пушкина и И. А. Гончарова. По мнению докладчика, создавая историю Обломовки, Гончаров использовал пушкинский опыт сочетания юмористического пафоса с летописным простодушием, а также воплощал пушкинскую идею описания деревенского локуса как государства, как некоего обособленного пространства со своими законами и укладом, за пределами которого ничего не существует.

В центре выступления И. Ю. Виницкого (США) «Herr Panzerbitter: Из истории русской „подпольной поэзии“ XVIII — начала XIX века» было имя «бывшего поэта Панцербитера», названное в начале шуточных коллективных стихов П. А. Вяземского, А. С. Пушкина и И. П. Мятлева «Надо помянуть, непременно помянуть надо...» (1833). Это имя докладчик рассматривал как интерпретационный ключ ко всему игровому тексту. Кем был обойденный вниманием в словарях писателей «герр Панцербitter»? Существовал ли он вообще? Что означает его имя и почему именно с него авторы послания начинают свою игру с адресатом? В докладе реконструировался «корпус произведений Панцербитера», включающий текст до сих пор неизвестной комедии «Пять тысяч рублей», приписываемой этому автору, и анализировалась кружковая семантика и прагматика коллективного стихотворения 1833 года, рассматриваемого в контексте русской непристойной поэзии конца XVIII — начала XIX века.

Доклад А. Добрицына (Швейцария) «Элегия Сумарокова „Престаньте вы глаза дражайшею прельщаться“ и некоторые ее французские образцы» был преимущественно посвящен упомянутой элегии, которая многими своими особенностями обязана анонимной французской элегии «Вынужденная разлука» (1658). Некоторые произведения Сумарокова

создавались с опорой на иноязычные, особенно французские стихотворения, хотя и не являются их прямыми переделками. В докладе было выяснено, какие именно поэтические и риторические приемы были заимствованы Сумароковым; а также было обращено внимание на петраркистские топосы и на использование прециозной риторики в его элегиях.

Выступление Л. Н. Киселевой (Эстония) «„Я написал самую Карамзинскую речь для Российской академии и А. С. Шишкова!“ (полемиическая речь Карамзина 1818 года)» было сосредоточено вокруг полемиического пласта речи Н. М. Карамзина в Российской академии 5 декабря 1818 года. Было выявлено, что непосредственным импульсом для полемики с А. С. Шишковым стал новый устав академии от 29 мая 1818 года. Предметом несогласия явилась программа Шишкова, полагавшего, что академия должна быть «стражем языка» и предписывать писателям углубленное исследование языка вместо «легкомысленного» художественного творчества. Карамзин, напротив, полагал, что «слова не изобретаются академиями», а рождаются «вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта». Он был уверен в том, что русская литература должна развиваться свободно в сотрудничестве с литературой европейской. Анализировались также данные о встречах и взаимоотношениях Карамзина и А. С. Шишкова в период 1816–1818 годов.

В докладе Е. Е. Дмитриевой (Москва; Санкт-Петербург) «Готический роман португальской Синтры: от „замка Ватека“ до Кинты да Регалейра» речь шла о двух замках Синтры, известного предместья Лиссабона. Первый — поместье Бекфорда Монферрат, в котором Байрон, путешествовавший по Европе, опознал своеобразный прототип фантазмагорического замка бекфордовского героя Ватека. Второй — поместье более позднего времени Кинта да Регалейра, которое появилось уже к концу XIX века как реализация эзотерики тамплиеров и масонов, садовой программы книги Франческо Колонны «Гипнеротомахия, или Сон Полифила» (1499) и символики девяти кругов Дантева ада. Среди позднейших литературных отголосков Синтры — роман Артуро Переса-Реверте «Клуб Дюма, или Тень Ришелье», по которому в 1999 году Роман Полански снял фильм «Девятые врата», а также романы «Тени прошлого» Дж. Феллоуза и «Голубые холмы Синтры» Э. Хемпсон. В России нашла свои отголоски не столько литература, сколько архитектура Синтры. Самые известные из таких построек — столь не любимый Л. Н. Толстым «португальский замок» в мавританском стиле на Воздвиженке, принадлежавший А. А. Морозову (реплика португальской Кинты да Регалейра) и «Ласточкино гнездо» — дача, расположенная на отвесной сорокаметровой скале мыса Ай-Тодор на Южном берегу Крыма.

А. А. Карпов (Санкт-Петербург) в докладе «Н. М. — неизвестный литератор» рассмотрел опубликованную в «Библиотеке для чтения» (1838) «быль» «Кавказский пленник» автор-

ства некоего Н. М. Если название повести повторяло заглавие пушкинской поэмы, то подзаголовок («быль») заключал в себе противопоставление, предупреждая: речь идет о подлинных, а не вымышленных событиях. Действительно, в основе «были» лежала история пленения черкесами двух русских офицеров, а негативное изображение мира горцев было полемиически противопоставлено пушкинской поэтизации. Но при этом воспоминания о поэме стали источником веры героя в свое спасение, которое и произошло в соответствии с пушкинским сюжетом. Разыскания привели к выводу, что автором повести был участник закубанской экспедиции 1837 года Н. С. Мартынов, обратившийся к впечатлениям от нее и в ряде других своих произведений.

О. Б. Лебедева (Томск) выступила с докладом «Вербальный и визуальный римский дневник В. А. Жуковского». Двухмесячное пребывание поэта в Риме (декабрь 1838 — январь 1839 года) было озаглавлено серией рисунков. Но Жуковский в Риме и Рим Жуковского в вербальных и визуальных дневниках — это разные образы поэта и города. Характер дневниковых записей определяется официальной миссией Жуковского как наставника престолонаследника, образ города в них предстает русским вариантом Бедкера. Иное дело визуальный дневник — он генерирует эмоцию, аналогичную поэтическому тексту: в них образ Жуковского — это образ поэта-романтика. Жуковского более всего привлекает широкий панорамный вид, на фоне которого изображена фигура человека со спины или вполоборота, поза которого свидетельствует о том, что он погружен в самозабвенное созерцание: в большинстве случаев это Гоголь, но отчасти это и сам Жуковский, который всматривается и в красоту Вечного города, и в глубины собственного внутреннего мира. Таким образом, римский вид становится и эквивалентом поэтической души.

М. В. Строганов (Москва) в докладе «Об адмирале Нахимове, поэте Аммосове и общественных волнениях» установил, что поэту А. Н. Аммосову (1823–1866) принадлежит стихотворение «Севастополюдам», одна строфа которого без имени автора постоянно цитируется и ныне: «Но семья не позабыла / Тот родной гранит, / Где Нахимова могила, / Где Корнилов спит». Стихотворение было широко распространено в начале 1868 года, когда ветераны обороны Севастополя возмущались анонимной статьей «Из записок Севастополяда» (Русский архив. № 12. С. 1375–1384), в которой В. А. Корнилов и П. С. Нахимов были изображены в дегероизированном виде, а Синопская битва представлена как легкая и очевидная победа, обеспеченная перевесом русских военных сил, и как непосредственный толчок к вовлечению в Крымскую войну Англии и Франции.

В центр доклада С. И. Панова (Москва) «Платон Бекетов — писатель-карамзинист?» была помещена фигура П. П. Бекетова (1761–1836), известного прежде всего как издателя,

связанного с обеими антагонистическими литературными «партиями»: родственник и друг Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, он был также издателем и автором московских журналов «архаистов» «Друг просвещения» и «Русский вестник», оставаясь как писатель и историк по преимуществу дилетантом. Автографический неполный свод сочинений Бекетова в стихах и прозе (ОПИ ГИМ, рукопись. 112 л.) позволяет более масштабно представить его место в литературе рубежа XVIII–XIX веков. Если в стихотворной части преобладают «безделки» и песни (основной жанр Бекетова-поэта) в стиле Дмитриева (программный характер имеет послание к нему Бекетова 1798 года), то в прозе «карамзинистское» «Мое путешествие из Б... в М... в 1798 году», которое и было подробно проанализировано в докладе, соседствует с «Мыслями про себя Иова Силантьича Домоседова» (анонимно опубликованы в «Русском вестнике» (1808. № 3. С. 238–240)) — ярким образцом произведений патриотической волны, вызванной Тильзитским миром.

Т. Г. Мегрелишвили (Грузия) в докладе «Современная русскоязычная литература Грузии как транскультурный феномен» представила итоги исследований путей формирования, становления и развития русскоязычного художественного сознания в Грузии. Анализ позволяет утверждать, что литературное самосознание, реализующее себя на русском языке, принадлежит к транскультурному типу — новому субъекту современного литературного процесса. Материалом исследования стало наиболее репрезентативное для выявления характерных особенностей литературы транскультурного свойства творчество русскоязычных авторов Грузии.

В докладе К. Р. Халиуллина (Санкт-Петербург) «„Певец во стане русских воинов“

В. А. Жуковского как идеологический текст» названное стихотворение анализировалось в контексте современных ему поэзии и государственного красноречия. Соединив общее с частным лирическим, Жуковский создал поэтический прецедент: в его тексте индивидуальным чувством окрашены не столько военные события, сколько общераспространенные в манифестах и поэзии идеи-мотивы: храбрости, истории побед и единства русских, Бога, Царя, освобождения Европы. Лирический герой Жуковского распределяет эти мотивы по отдельным здравиям. В докладе было выдвинуто предположение, что в течение 1806–1818 годов Жуковский был самым заметным идеологически ориентированным русским поэтом и создал предпосылки для формирования новой гражданской поэзии.

Доклад М. Н. Виролайнен (Санкт-Петербург) «О жанровом сознании поэтов Золотого века» был посвящен демонстрации того, что поэтика жанров оставалась актуальной на протяжении всего Золотого века. Она нашла свое отражение в пособиях по эстетике, в принципах композиции поэтических сборников, в лирическом творчестве, предполагавшем динамичность жанровых форм. Их сложную оркестровку в поэтических текстах эпохи позднее не раз принимали за смешение жанров (признак упразднения жанрового сознания), однако формы оды, элегии, мадригала, застольной песни и т. п. оставались в шедеврах лирики Золотого века узнаваемыми и различимыми, как голоса инструментов в оркестре. Это создавало особое полифоническое звучание поэтического текста, которое Бахтин напрасно считал исключительным свойством романа.

© П. В. Бояркина

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 1 «Русской литературы» за 2020 год в моей статье «„...Племянник был молод, а дядя — крокок...“ (А. С. Пушкин и его дядя в письмах современников к графу Д. И. Хвостову)» на с. 88 приведена выдержка из письма к Хвостову от 5 июня 1830 года, которое по ошибке старого графа или его секретаря в реестре входящей корреспонденции аннотировано так: «68. Князя Шаликова о поэтах Пушкиных и прочее». Повторное обращение к контексту письма позволяет заключить, что его автор участвует в заседаниях «Общества лю-

бителей российской словесности», которое П. И. Шаликов покинул еще в 1827 году после ссоры с М. А. Дмитриевым. Сопоставление почерка и подписи автора письма и М. Н. Макарова дает возможность безошибочно определить, что оно написано последним. Таким образом, именно Макаров встретил А. С. Пушкина в доме П. А. Кологривова в первых числах июня 1830 года.

© А. В. Курочкин